

Эта группа была самой шумной и весёлой. Одних только «сухопутных лодок» в ней насчитывалось целых восемнадцать — они кружили по внешнему кольцу, увлекая за собой деревенскую детвору, которая с весёлым визгом сновала прямо под нарядными каркасами.

Наряжены артисты были ярко, пестро и празднично, однако под гримом и масками угадывались крепкие, рослые мужчины. Даже несколько женщин в их рядах отличались на редкость широкими плечами и дюжим сложением.

Но главное — их взгляды. Слишком цепкие, хитрые. В них не было той простодушной живой открытости, что отличала местных крестьян. Эти люди озирались воровато, высматривая что-то из-под полумасок.

Приезжие... Но уезд Бычьего Рога никогда не славился богатством, заезжие труппы янго забредали в эти глухие края нечасто. А тут вдруг объявилась целая ватага, да ещё столь шумная и слаженная.

Трубачи выдували медь с такой мощью, будто не знали усталости — после долгого пути у них всё ещё хватало дыхания. Барабанщики закатали рукава до самых локтей, обнажив жилистые, бугристые предплечья. Такие руки подошли бы скорее мясникам... или разбойникам с большой дороги. Дин Тянь уже видел нечто подобное — у того же Ху Мацзы было точно такое же разбойничье сложение.

Крестьяне сильны от тяжёлого труда, но у лесных разбойников закалка совсем иная. У простого пахаря никогда не будет таких резко очерченных, сухих и рельефных мышц.

Дин Тяня взяло сомнение. Лиц из-за густого грима и личин было не разглядеть, но двигались эти артисты на удивление чётко, словно по какому-то боевому уставу.

Впрочем, для янго это обычное дело. На Новый год все ждут шума и веселья. Явись труппа без должного задора и пышности — хозяева только у ворот пожурят, а то и вовсе взащей прогонят.

По обычаю, заходя во двор, артисты должны были описать круг, лихо закручиваясь спиралью, словно капустный вилок, и лишь потом уходить. Иначе за что им платить щедрую награду?

Но то, как вокруг них вилась деревенская детвора, заставило Дин Тяня нахмуриться.

Его маленький двоюродный брат, Дин Цзи, рос малым на редкость непоседливым. Окружённый домашней заботой, он превратился в пухлого, белого карапуза. По случаю праздника его нарядили в ярко-красный ватный халатик, такие же штанишки и сапожки с опушкой из пушистого белого кроличьего меха. Мальчик походил на сошедшего с новогодней картинки весёлого пупса, а на шее у него покачивался новенький серебряный замочек долголетия. Хотя размером тот был всего с ладошку, вещичка выглядела добротной и у многих вызывала завистливые вздохи.

Семья дяди Юна явно шла в гору.

Совсем ещё крошечного Дин Чэна бережно баюкала на руках Третья тетушка. Кузина Гуйхуа вела себя на редкость скромно и чинно — дело шло к сватовству, так что излишнее веселье ей не приличествовало. На девушке красовалась праздничная вышитая кофта со складчатой юбкой — узоры она нашла сама, а в причёске красовались серебряная шпилька и изящные жемчужные цветы. Выглядела она как настоящая благовоспитанная барышня из приличного дома, заслужив немало похвал от деревенских кумушек. Да и молодые парни то и дело бросали на неё украдкой восхищённые взгляды.

Вторая тетушка просто сияла от гордости!

Сегодня Гуйхуа затмила саму Сяоде, отчего Четвёртая тетушка то и дело раздражённо закатывала глаза. Её дочка Сяоде уродилась красавицей, да только на приличные наряды у матери вечно не хватало денег. А жемчужные цветы в волосах кузины, подаренные ей Дин Тянем, и вовсе заставили Сяоде покраснеть от жгучей зависти.

Кузен Дин И затерялся где-то в толпе сверстников, а Дин Кэ носился со своими друзьями — в праздник каждый веселился как мог.

Тихая кузина Чахуа предпочитала держаться в стороне: она забрала у Третьей тетушки маленького Дин Чэна и качала его, с улыбкой наблюдая за суматохой.

И только Дин Тянь никак не мог успокоиться, высматривая среди бегущей детворы Дин Цзи.

Непоседливый сорванец скользил между взрослыми, словно вьюн, и вскоре окончательно скрылся из виду вместе с гурьбой таких же крикливых малышей.

Как назло, именно в этот момент к нему протиснулся Дин Кань:

— Тянь-эр, дело говорят? Неужто и впрямь переводишься на службу в городскую управу?

— Да, всё верно, — кивнул Дин Тянь, прекрасно понимая, к чему тот клонит. — Если ты твёрдо решил, то сразу после Праздника фонарей я отведу тебя в уездную управу.

— Вот спасибо! Век не забуду! — Дин Кань так и расплылся в улыбке.

— Не стоит благодарности, мы ведь из одного рода, — ответил Дин Тянь.

Чем дольше он жил в этом мире, тем отчётливее понимал, какую силу имеет клан. Здесь общая фамилия мгновенно сближала людей, превращая их в союзников, обязанных поддерживать друг друга. Дин Тянь и сам хотел, чтобы его родная деревня укрепила своё влияние, а потому

рвение Дин Каня пришлось как нельзя кстати. Да и семье его этот шанс был жизненно необходим.

— Ты подготовь подарок поприличнее, а я представлю тебя новому уездному судье. Не волнуйся, нынешний начальник — это наш прежний бухгалтер Сюй. Он успел побывать и регистратором, и помощником уездного судьи, так что дело своё знает до тонкостей. Под его началом служится легко.

— Знаю, знаю, наслышан! — довольно закивал Дин Кань. — Говорят, из деревни семьи Ху тоже взяли двоих на службу, да и в деревнях Тополей и Ив нашлись те, кто сумел пристроиться в управу.

— Было дело, — подтвердил Дин Тянь. — Управа тогда расширяла штат и набирала толковых парней из хороших семей по всем окрестным землям. Правда, распределили их по разным отрядам, так что обязанности у всех отличаются.

— Вот оно как... — Дин Кань смутно представлял себе устройство уездной управы, и Дин Тянь пообещал заглянуть к нему на праздниках на чарку вина, чтобы всё подробно растолковать.

Такая своевременная подсказка дорогого стоила, и Дин Кань рассыпался в благодарностях. Опыт бывшего тюремного стражника уберёт бы его от множества ошибок на новом месте, и парень понимал, что Дин Тянь помогает ему от чистого сердца.

Они проговорили ещё какое-то время, пока труппа янго выписывала круги перед домами, и лишь затем Дин Кань, довольный и воодушевлённый, попрощался и ушёл.

Проводив его взглядом, Дин Тянь вновь огляделся. Праздничное шествие уже двигалось к выходу из деревни, увлекая за собой толпу. Но... где же Дин Цзи? Мальчишек, которые только что с криками бегали рядом с ним, тоже нигде не было видно.

Привычка к осторожности, оставшаяся у него с прошлой жизни в современном мире, заставила Дин Тяня мгновенно насторожиться. Внезапное исчезновение брата показалось ему крайне подозрительным, а интуиция настойчиво твердила: с заезжими артистами что-то не так.

Вернувшись в дом, он спешно перепоясался ремнём со своей служебной саблей — благо тюремным стражникам дозволялось носить оружие и вне службы, — после чего со всех ног припустил к деревенским воротам.

Деревня семьи Дин, как уже упоминалось, была обнесена высокой защитной стеной с двумя воротами на восточной и западной сторонах. Соединял их прямой, мощёный каменными плитами тракт — неслыханная роскошь для здешних мест, облегчавшая оборону в случае набега. Высокие стены надёжно укрывали жителей от незваных гостей, а сами створки ворот нарочно сделали узкими — в них едва могла протиснуться гружёная сеном телега.

Усадьба Дин Тянь стояла у самого выезда. Просторный добротный дом старой постройки сразу выдавал зажиточных хозяев, поэтому артисты задержались в их дворе дольше обычного. Повеселив хозяев на славу, ватага покинула ворота усадьбы — это был последний двор на их пути. Теперь они, не переставая пританцовывать, двигались по главной улице напрямик к выходу из деревни.

Дин Тянь, сжимая в руке обнажённый клинок, преградил им дорогу:

— А ну стоять!

Однако оглушительный рёв суон и грохот барабанов полностью заглушили его крик.

Теряя терпение, он резко вскинул саблю, сделав несколько предупреждающих взмахов перед самым носом идущих впереди:

— Стой, кому говорю!

Сверкающий на солнце холодный металл подействовал отрезвляюще. Завидев оружие, музыканты один за другим сбились с ритма, и над дорогой наконец повисла тишина.

Возглавлявший шествие дюжий детина с накрашенным лицом шагнул вперёд. На нём был наряд Еюшэня — грозного ночного божества, карающего людские пороки.

— Уважаемый... господин офицер, к чему это? — Его голос дрогнул. Он собирался было назвать наглеца «братцем», но, разглядев казённое клеймо на ножнах, мигом переменял тон. Закалённый бродячей жизнью пройдоха за версту чуял представителей власти.

В глубине души он уже проклинал тот день, когда решил завернуть в эту проклятую деревню. Связываться со служивыми людьми в их же родовых гнёздах всегда было себе дороже.

— А ну-ка, построились и проходим передо мной по одному, — процедил Дин Тянь, крепче сжимая рукоять сабли. — Я хочу осмотреть каждого.

— Офицер, пощадите, мы ведь простые бродячие артисты, куском хлеба промышляем... — запричитал другой лицедей, испуганно косясь на остриё клинка. Приблизиться он не решался, лишь непрерывно кланялся глазающей толпе, пытаясь вызвать сочувствие у деревенских. — На Новый год ведь все друг другу только добра желают...

Деревенские мужики, в своё время нахлебавшиеся тягот на тыловой службе во время войны, трусами не были. Сразу почуяв неладное, они плотным кольцом обступили заезжих гостей. Кое-кто из матерей уже заметил, что их сыновей нет поблизости, но пока не придал этому значения — дело ли, в родной деревне за детей бояться? Малышня вечно носится где попало, тем более в такой праздник.

— Я не мешаю вам выступать и не собираюсь лишать честного заработка, — холодно произнёс Дин Тянь и небрежным жестом бросил вожаку блестящий серебряный слиток весом в два лана.

Это серебро, новенькое и сияющее белизной, досталось ему от самого судьи Сюя в качестве новогодней награды. Вторая тетушка велела беречь эти монеты на счастье и ни в коем случае не тратить, но сейчас этот жест произвёл оглушительный эффект. Все присутствующие застыли, заворожённо глядя на сверкнувший в воздухе благородный металл.

— Тянь-эр, ты что удумал? — недовольно прикрикнул подошедший Третий дядя. Ему до боли стало жаль денег, заработанных племянником за целый год непосильного труда. — Наш дом им уже щедро заплатил!

Их усадьба и без того слыла богатейшей в округе. Желая потешить самолюбие племянника и показать его статус, они с братом отсыпали заезжим артистам двойную плату — целую связку из сотни новеньких медных монет!

— Дядя, я просто хочу взглянуть на их «сухопутные лодки», — твёрдо произнёс Дин Тянь и, не теряя более ни секунды, бросился к ближайшему бутафорскому каркасу.

Эти «лодки», разумеется, не имели отношения к воде — они представляли собой лёгкие деревянные остовы, обтянутые яркой тканью. Нижний край занавеси расписывали волнами или шили из ярко-синего хлопка, создавая иллюзию скольжения по речной глади. Красочное зрелище всегда приковывало к себе взгляды зевак.

Верхнюю часть украшали шёлковыми лентами и искусственными цветами. Конструкция получалась нарядной и пышной, полностью оправдывая своё название — лодка для суши.

Обычно управлял таким сооружением один человек — так было куда проще маневрировать в толпе. Хотя встречались и огромные ладьи, в которых пряталось по несколько танцоров разом.

В традиционных представлениях «плывущие» изображали весёлых молодниц или невест в нарядных кокошниках. Главная же хитрость крылась в том, что подол тканевой юбки свисал до самой земли. Под таким глухим навесом мог легко укрыться взрослый человек, и никто снаружи ничего бы не заметил.

В северных краях громоздкие лодки не прижились. Здесь ценили юркость и дешевизну, поэтому бутафорией управляли поодиночке. Большинство заезжих трупп состояли из обычных крестьян, решивших подзаработать на праздниках, и тратить на дорогие декорации им было незачем.

Деревенские знали местных артистов как облупленных, а вот заезжие гости оставались загадкой. Жители с любопытством наблюдали за происходящим, но вмешиваться и заступаться за чужаков никто не спешил. Слишком уж грозным и решительным выглядел сейчас молодой тюремный стражник.

Не дав никому опомниться, Дин Тянь рванулся вперёд.

Такой напор озадачил собравшихся. Старый староста трех деревень, наблюдавший за весельем с почётного места, недовольно прищурился — праздничная суматоха явно грозила обернуться неприятностями.

Молодой деревенский староста попытался было вмешаться и преградить путь Дин Тяню, но осёкся, увидев, как тот заносит тяжёлый клинок над расписной бутафорией.

Из его груди вырвался невольный вскрик.

В толпе испуганно ахнули. Кто-то закричал, требуя прекратить это безумие.

Дин Тянь проигнорировал крики. Одним точным ударом он расщепил деревянный каркас лодки, с треском сорвав плотную синюю ткань. Находившийся внутри артист попытался увернуться, но тяжёлая бутафория сковывала движения, а тесно прижатые соседние «корабли» лишили его пространства для маневра.

Ткань лопнула, обнажив то, что скрывалось внутри...

<http://bllate.org/book/19387/1997500>